

Н. РОГДАЕВ

Различные течения в русском анархизме (Доклад рабочему интернациональному анархистскому конгрессу в Амстердаме)

Много причин способствовало развитию этой идеи. С одной стороны, под влиянием самой жизни, появились различные течения революционной мысли, которые, несмотря на примеси якобинско-бланкистских идей, вырабатывали мало-помалу принципы чистого анархизма; с другой стороны — эта идея (анархизма) кристаллизовалась, чисто стихийно, в самих рабочих массах, часто помимо и даже вопреки влиянию и пропаганде социально-революционных партий.

<...> Позднее, на юге России, и затем в западном крае, возникли полуанархические группы так называемых «махаевцев».

Впоследствии они присвоили себе название партии «Рабочего заговора» и работали в С.-Петербурге и Варшаве.

Эти группы признавали *чисто анархическую тактику*, энергично пропагандируя всеобщую стачку, экономический террор, массовую экспроприацию буржуазии, резко нападая на государственный социализм и критикуя политическую (парламентскую) деятельность.

Призывая пролетариат *к насильственной классовой борьбе*, «махаевцы» первое время работали на руку анархическому социализму. Что касается до их идеала, конечной цели, то они его совершенно игнорировали*, призывая массы исключительно

---

* Партия «Рабочего заговора» создавалась под влиянием пропаганды Вольского, бывшего польского социалиста, написавшего известную книгу: «Умственный работник». В этом труде он обосновывает свое учение, для которого характерна следующая особенность: враждебное отношение к роли революционной интеллигенции. Это она навязывает массам идеалы демократии, социализма, анархизма. У пролетариата же одна цель — борьба за равный

к разрушительной работе. Какая бы ни была в этом «учении» смесь бланкизма, трэд-юнионизма и анархизма, оно для России того времени было «новым словом» и сыграло немалую роль в деле формирования первых анархистских групп.

Многие рабочие видели в нем свежую, живительную струю — оно выводило их из удушливой, пропитанной «политиканством» атмосферы социалистических партий.

Рабочим-революционерам нравилась резкая критика государства и капитализма и нападки на интеллигенцию; они хорошо усваивали принцип классовой борьбы, «ведущий путем экономического террора и всеобщей стачки к чисто пролетарской революции».

В некоторых южных и северо-западных городах возникают полуанархистские группы, которые ведут энергичную пропаганду.

Рабочие проводят здесь *чисто анархическую тактику* (экономический террор, всеобщие стачки, саботаж и пр.); им недостает только цели, во имя которой нужно бороться; это и даст впоследствии анархический социализм.

До сих пор мы говорили об идеологических течениях; перейдем теперь к чисто стихийным.

На далеком Урале среди гор и лесов, в уединенных железных и медных рудниках, в 1900–1901 гг. зародилась среди рабочих оригинальная секта «Иеговистов»*.

Крестьяне-рудокопы, помимо революционной пропаганды, самостоятельно вырабатывали анархическую доктрину.

Вдохновляясь своей идеей, они совершают целый ряд актов, направленных против горных инспекторов, буржуа, полицейских... применяя для этой цели страшное орудие — динамит, который находился у них в изобилии, как средство при добывания руды.

доход и равное образование. Поэтому долой идеалы — эту религию, которая отвлекает массы от непосредственной борьбы за конкретные требования. В будущем массы устроятся сами, как им будет угодно. Теперь же их нужно звать только к полному разрушению капитализма, тайно организовав революцию — «Сговор», — посредством ряда бунтов, восстаний, террора, стачек чисто экономического характера. — *Н. Р.*

* Полумистическая доктрина «Иеговизма» состояла в следующем: мир разделен на два типа людей: «Иеговистов», несущих «божеское начало», к которым причислялись все бедные, трудящиеся люди и «сатанистов» — т. е. всех праздных, тунеядцев, как то: попов, буржуа, чиновников. Между ними может быть одна только непримиримая борьба. Правительство вскоре уничтожило эту опасную секту, сослав ее главных представителей в каторжные работы. — *Н. Р.*

«Иеговисты» думали, что только истребив всех служителей дьявола, власть и капитал имущих, можно водворить на земле «царство правды», т. е. Анархию. Как бы ни было своеобразно это учение, оно ценно для нас тем, что ставило ребром вопрос о резкой борьбе с властью и капиталом имущими.

Второй сектой, возникшей также стихийно и носившей анархический оттенок, было наше «духоборство». Это течение диаметрально противоположно воинствующему «Иеговизму». Оно наоборот, совершенно мирное, отрицает всякое насилие, даже против угнетателей; они должны жить только «по-божьему», отказываясь от уплаты податей, военной службы, в вольных, земледельческих общинах.

Крестьяне-духоборы сжигали оружие, отказывались идти в армию, исполнять церковные обряды, за что их жестоко преследовало правительство. Все вожди движения были осуждены на каторгу, сама же масса их последователей сослана в нездоровый климат Закавказья.

Духоборов всячески истязали, насильствовали, что побудило большинство из них эмигрировать сначала на остров Кипр, а затем в Канаду, где они основали теперь громадную коммунистическую общину. Этой беглой характеристикой стихийных и идеологических течений, носящих заметную анархистскую окраску, и заканчиваем описание эпохи, предшествующей появлению в России чистого анархизма. В то самое время, когда в России возникали эти течения, в заграничных русских колониях Швейцарии, Англии и Франции велась уже систематическая пропаганда коммунистического анархизма, и ораторы-анархисты часто выступали на многочисленных митингах и собраниях.

Небольшие группы русских и еврейских эмигрантов анархистов занялись издательством анархической литературы.

Напечатаны были сочинения П. Кропоткина, Ж. Грива, В. Черкезова, Э. Реклю, М. Бакунина и мн. другие. Изданы были также оригинальные вещи, как например, брошюры Илиашвили «Мученики Чикаго», «Революция и временное правительство», наконец, книжка: «Новый поход против социал-демократии». В 1903 году появился первый*** анархический орган: «Хлеб и Воля», где сотрудничали: Кропоткин, Черкезов, Илиашвили и др. авторы.

---

* Мы говорим «первый орган», потому что полуанар. и анархические газеты не выходили в России последние 20 лет. Органы же, как «Работник», «Община», «Народное Дело», «Земля и Воля», «Народная Расправа»,

Пропаганда анархизма концентрировалась, главным образом, в Женеве и Лондоне; в первом городе среди русской молодежи, во втором — среди многочисленного еврейского пролетариата, ютящегося в квартале Уайтчепель¹.

Здесь, между прочим, особенным влиянием пользовалась анархическая газета «Arbeiter Freund», издаваемая на жаргоне Рудольфом Роккером.

В этот же период изданы были газеты: «Черное Знамя» и «Новый мир», а также в Париже анархический журнал: «Безначалие».

Таким образом, первые ячейки будущих анархистских групп возникли за границей, в период 1900–1903 гг.

В это время некоторые товарищи-пропагандисты уезжают в Россию, переправляя контрабандой первые транспорты анархической литературы. Чисто-анархические группы в России возникают только в начале 1904 года, сначала в Одессе, Белостоке и Черниговской губернии.

В 1905 году анархическая пропаганда уже ведется в следующих пунктах: в Польше (Варшава), на Кавказе (Кутаис), в Новороссии и Украине (Киев, Житомир, Екатеринослав), в некоторых городах Великороссии, как, напр., Москве и С.-Петербурге и даже в отдаленном конце Урала, Екатеринбурге.

Мало-помалу движение охватывает новые районы и в короткое время анархисты, в разных концах империи, насчитывают много групп со значительным числом участников. Первое время пропаганда ведется исключительно среди индустриального пролетариата и отчасти крестьянства, в последнее же время она проникает в среду солдат, учащейся молодежи и люмпен-пролетариата.

Мы еще раньше говорили, что анархизм проник в Россию слишком поздно. Страна уже переживала бурное время революции... Волны ее вздымались все выше и выше. Всюду вспыхивали бунты, демонстрации, стачки.

Захваченные вихрем событий, пионеры-анархисты не успевают уделять много сил пропаганде и тратили их главным образом на боевые цели. Только когда открылась «эра свобод» и всюду

издававшиеся в 70-х годах народниками-«бакунистами» давно уже стали библиографической редкостью. Тоже можно сказать о сочинениях М. Бакунина, З. Ралли и других. — *Н. Р.*

в стране начались многочисленные митинги, куда стекались все классы населения, ораторы-анархисты выступали перед широкой аудиторией, вызывая своими речами симпатии одних и жгучую ненависть других.

Не довольствуясь заграничной литературой, анархисты «явочным порядком» переиздают многочисленные брошюры Кропоткина, Грива, С. Фора, Д. Ньюенгейса, Малатеста и прочих теоретиков.

Выходит также масса листовок, серия книг по вопросам революционного синдикализма, всеобщей стачки, парламентаризма, как то: Пьеро, Пуже, Нахт, Фридеберг, Пеллутье, Новомирский. Создается богатая литература, которая дала возможность познакомиться с нашим учением.

Раньше анархизм для «широкой публики» был книгой за семью печатями, и она знакоилась с ним исключительно по трудам «научных социалистов»: Энгельса, Ферри, Бебеля, Плеханова и др. Чтобы удовлетворить громадный спрос на наши листки, мы организуем целый ряд тайных типографий. Одни из них арестовываются, но возникают другие.

Так, в период 1904–1906 годов функционировали следующие типографии анархистов-коммунистов: «Анархия» в Белостоке, «Группы общинников» в С.-Петербурге, «Непримиримых» в Одессе, «Набат» в Черниговской губернии, «Безвластие» в Минске, «Интернационал» в Варшаве и Риге, «Коммуна» на Кавказе, в Ялте «Гидра», затем тип. в Екатеринославе и другие.

Кроме того, всюду распространялись прокламации, изданные в общей типографии «федеративных групп анархистов-коммунистов».

Благодаря провалам собственных типографий, с одной стороны, и все увеличивающейся потребности в листовках, с другой, приходилось печатать еще так называемым «захватным правом». Оно состояло в следующем: организовывалась группа в 8–10 человек, вооруженных револьверами и бомбой и, наметив какую-либо буржуазную типографию, завладевали ею.

Захватить телефон, арестовать хозяина, поставить часовых у входа — было, обыкновенно, делом нескольких минут.

Под угрозой хозяин приказывал своим рабочим набирать анархические прокламации, и товарищи, уплатив за работу наборщикам, благополучно уходили, нагруженные листовками.

Боясь мести со стороны анархистов, хозяин лишь в редких случаях заявлял об этом полиции. Аналогичных случаев было

много; мы знаем таковые в Екатеринославе, Вильно, Одессе, Тирасполе Херсонской губернии и др.

Вполне естественно, что политические партии встретили появление в России анархистов-коммунистов крайне враждебно: они распускали про анархистов различные клеветы и небылицы с целью отвлечь от них рабочие массы. Эти клеветнические выходы слишком хорошо известны нашим западноевропейским товарищам, против которых они уже неоднократно направлялись, чтобы на них стоило останавливаться. Анархистов величали «провокаторами» социальной революции; некоторые, особенно усердные, как польские социалисты и армянские «дрошакисты» шли дальше и становились прямо на сторону реакции, расстреливая «за грабеж», во время стачек и бунтов, рабочих-анархистов. Так поступали «революционные трибуналы» в Варшаве и Баку; так поступили недавно с нашим товарищем Витманским в Ченстохове. Он был «казнен» буржуазными революционерами по обвинению в «экспроприации».

К счастью эта военно-полевая тактика не практиковалась российскими социалистами, и они боролись с нами исключительно на «идейной» почве.

Таким образом, анархисты, с первых шагов своей деятельности, очутились между двух огней: справа было самодержавие, слева — политические партии; борьба велась на два фронта.

Царское правительство встретило анархизм крайне сурово: оно сразу обрушилось на него рядом репрессий.

Заподозренных в причастности к анархистам арестовывали, сажали в тюрьмы, ссылали в Сибирь, иногда подвергали жестоким пыткам и истязаниям, подобным тем, которые совершали турецкие палачи над македонскими революционерами, или испанские инквизиторы в знаменитой тюрьме Монжуих².

Против анархистов все средства были дозволены; после пыток их обыкновенно расстреливали; так было в Варшаве, Риге и др. городах.

Крайне критическое положение анархистов, над которыми вечно висела угроза погибнуть, погибнуть бесследно, не завоевав еще симпатии масс, не познакомив их со своей идеей, создавало среди них лихорадочное настроение.

Все товарищи доводили «активизм» до крайнего предела; хотелось заявить об анархизме громче и решительнее, чтобы голос его был услышан пролетариатом.

Предстояла разносторонняя работа; анархистам нужны были громадные средства для постановки типографий, лабораторий, организации транспортов литературы, содержания нелегальных работников, наконец, вооружения широких масс, ввиду надвигающейся революции. Где взять эти средства? На кого рассчитывать? На рабочих? Но, вначале, они еще не были знакомы с анархизмом, к тому же изнуренные безработицей и кризисами, не могли оказывать материальной поддержки нашему движению.

Что же касается до буржуазной интеллигенции, то нам надеяться на нее было бы по меньшей мере наивным.

Оставалось одно: мечтать о том времени, когда у нас будут средства и возможность работать. Но анархисты-коммунисты не могли ограничиваться мечтанием, они стремились к действию...

Не имея типографий, они печатали листки «захватным правом», не имея динамита и своих лабораторий — они похищали его в Донецких рудниках и на Урале.

Этого было мало; и вот, у группы созрела идея приобретать деньги конфискацией их в правительственных учреждениях и у крупной буржуазии. Настает эра «экспроприации», т. е. вооруженных нападений на представителей Государства и Капитала.

Мартиролог погибших во время этих нападений громаден: многие товарищи пали при сопротивлении, многие казнены по приговорам военно-полевых судов.

Часто «экспроприации» совершали и политические партии (даже социал-демократы, как это было в Москве, Уфе, Квирилах в Грузии), а также частные лица, прикрываясь иногда именем анархизма.

Чтобы отмежеваться от нежелательных форм, которые принимали иногда подобные «экспроприации» — анархисты-коммунисты выпускали заявления, где сообщали, что они признают: 1) экспроприации у крупных буржуа и Государства; 2) что эти экспроприации совершаются на нужды революции, притом в форме вооруженных нападений; 3) что анархисты не смотрят на них, как на тактику, разрушающую капиталистическое общество* и 4) что, наконец, во избежание спекуляций в будущем,

---

* Правда, в России существовали анархисты, возводившие «экспроприацию» в тактику. Аналогичное течение намечалось в гр. «Безначалия», работавших в Киеве и Петербурге. Доводя эту идею до абсурда, некото-

они будут опубликовывать заявление по поводу каждой конфискации, совершенной группой.

Первой поступила так «группа рабочих анархистов-коммунистов» г. Екатеринослава, которая, организовав многотысячный митинг Трубного завода и железнодорожных мастерских, приняла резолюцию, протестующую против злоупотреблений именем анархизма.

Все присутствовавшие рабочие поддержали этот протест.

Прежде чем перейти к истории групп в отдельных районах и их деятельности, остается сказать несколько слов по поводу течений, существующих в русском анархизме.

Мы уже упоминали раньше о женевской группе, издававшей газету «Хлеб и воля». Группа по духу очень напоминает французский орган анархистов «*Révolté*».

Программа и принципы «хлебовольцев» те же, что и у интернационального анархизма «бакунинско-кропоткинско» направления.

Это синдикалистское течение в нашем движении; оно имеет в России и за границей самую богатую литературу: в Швейцарии и Лондоне были изданы различные брошюры и 24 №№ журнала «Хлеб и воля».

В последнее время за границей издавались два органа, родственного направления; один: «Листки «Хлеба и воли» (18 №№), более правые, и «Буревестник» (7 №№), носивший первое время форму вольно-дискуссионного органа.

В России «хлебовольцы» имели свои издательства: в Москве, группа «Свобода» в Тифлисе, группа «Рабочий», а также различными фирмами был издан ряд мелких брошюр и два больших сборника «Хлеб и воля», «Черное знамя», чисто «хлебовольческого» направления.

рые «безначальцы» рекомендовали пролетариям бросать работу на заводах и жить исключительно личными экспроприациями. Была еще в Одессе группа «Черный Ворон», совершившая ряд дерзких нападений и грабежей. Но она не имела никакого отношения к идейному анархизму. Это были просто «бомбисты-экспроприаторы», за которыми нельзя отрицать только одного: безумной отваги при нападениях, напоминающей «бандитов-ножевиков» Южной Италии. Что же касается до ежедневно совершаемых в России мелких грабежей и «экспроприаций», то это в большинстве случаев дело безработных. Кризис и перспектива голодной смерти заставляют их добывать хлеб столь рискованным способом. — Н. Р.

Приверженцы группы «Хлеб и Воля» работали, главным образом, на Севере России, Урале, в Черниговской губ., на Кавказе, отчасти в Новороссии и некоторых городах Литвы.

Родственная им, в своем отношении к беспартийному движению, была группа «Новый мир», которая, в опубликованной ею программе «Южно-Русских Анархистов-Синдикалистов» высказывалась резко против «безмотивного террора» (т. е. метанья бомб в кофейни, театры, рестораны и пр. места сборищ буржуазии) и призывала тов. к организации тайных синдикатов. Эти тайные синдикаты должны входить в открытые беспартийные профессиональные союзы с целью пропаганды анархических идей и борьбы с теми политическими течениями, которые стремятся подчинить движение пролетариата и эксплуатировать его в интересах политической «избирательной борьбы», т. е. с социалистами-государственниками.

Группа «Новый мир», работавшая главным образом в Одессе и отчасти в Киеве и Кривом Роге (рудники Хер[сонской]. губ.), обосновала первоначально свои принципы на чисто марксистской философии; она издала один номер журнала: «Новый мир» и недавно выпустила в Одессе номер газеты: «Вольный Рабочий».

Кроме того, ею изданы брошюры: «Манифест анархистов-коммунистов» и «Основы синдикального анархизма».

Есть еще в России анархисты-коммунисты, являющиеся антисиндикалистами; одни из них чистые антисиндикалисты и противники всякой борьбы за конкретные требования масс; другие — менее последовательны и отрицают только легальный беспартийный синдикализм, а также смотрят на борьбу за экономические частичные требования, как на «печальную необходимость».

Первые — сторонники группы «Безначалие»; вторые — «Черного знамени». Разберем их положения. Начнем с «безначальцев». Формулируя свои взгляды, они резко выступают против всякого профессионального движения и опираются, главным образом, на безработных и люмпен-пролетариат.

С их помощью, они надеются организовать «мятежные шайки» для террористической, партизанской борьбы, разрушающей одновременно Капитал и Государство.

По их мнению, не нужно никакой борьбы ни за сокращение рабочего дня, ни за повышение заработной платы: рабочие массы уже и без того погрязли в болоте «конкретных требований».

Задача же анархистов — вызвать в массах бурную революцию, ведущую к полному разрушению государственно-капиталистического строя. Рабочий класс должен предъявить буржуазии одно требование: *перестать существовать*, ибо «смерть буржуазии есть жизнь рабочих». Заграницей «безначальцы» издали и ввезли в Россию ряд брошюр, как, напр., Бидбея: «Тупорыловы» и «Люцифер» (сатиры на с.-д.), Дерябина «За землю и волю», Ростовцева «К крестьянам» и «Наша тактика», наконец, 4 №№ журнала «Безначалие».

Недавно еще издан номер газеты того же направления, на польском и еврейском языках: «Революционный голос».

До настоящего времени сколько-нибудь активно это направление в России не проявлялось.

Существовало оно в анархических группах в Киеве, С.-Петербурге, Варшаве, и отчасти Минске и Тамбове.

Надо заметить, что это течение далеко не новое в русском анархизме. Достаточно вспомнить газету «Народная расправа», С. Нечаева, чтобы увидеть, что «безначальцы», за некоторыми новшествами, хотели просто реставрировать «нечаевский анархизм», в котором удивительно переплетались идеи чистого «бакунизма» с различными переживаниями «бланкизма».

Придя в 70-ые годы в соприкосновение с действительностью, это течение потерпело полное фиаско: то же случилось с нашими «безначальцами» теперь. Чистых групп их направления в настоящее время в России мы не знаем.

Второе «антисиндикалистское» течение группировалось сначала вокруг органа «Черное Знамя», потом — возле «Бунтаря»*.

Правда, у этого направления совершенно отсутствует литература, но зато оно проявило себя целым рядом антибуржуазных актов, причем характерными среди них являются так называемые «безмотивные».

Подобные выступления анархистов имели место и в Западной Европе. Достаточно вспомнить взрывы бомб в кафе, в театрах «Белькур» и «Лицео», многочисленные акты и покушения в Бельгии, и, наконец, террористические акты Лотье и Луиджи Луккени.

Русскими «безмотивниками» — гр. «Черного знамени» были совершены два покушения — в кофейне Либмана в Одессе и ресторане «Бристоль» в Варшаве.

---

* Того и другого органа вышло пока по одному номеру.

«Безмотивный террор» применялся против буржуа не за какие-либо отдельные поступки последнего, а исключительно за принадлежность к классу паразитов — эксплуататоров. Эту тактику «чернознаменцы» особенно рекомендуют рабочему классу.

Путем таких действий они думают обострить классовую борьбу против всех властвующих и угнетающих.

Острая безработица и кризис, виновниками которых являлись привилегированные классы, создавали среди пролетариата настроение, вызвавшее симпатию к актам, поражающим буржуа «en masse»³.

Второй особенностью «черно-знаменского» направления является резко-критическое отношение к участию анархистов в беспартийных профессиональных союзах, которые приучают рабочих к легализму и исключительной борьбе за минимальные требования (как 8-часовой рабочий день, воскресный отдых и проч.). Заявляя, что анархисты-коммунисты должны вести чисто классовую борьбу, не обращая внимания на какое бы то ни было «смягчение» государственных форм (будь это даже демократическая республика), — они признают только насильственно-революционную тактику.

Сторонники «Черного Знамени» сходятся с партией «Рабочего Заговора» во взгляде на роль революционной интеллигенции.

Отрицательно относясь к западноевропейскому анархизму, они упрекают товарищей (особенно немецких и французских) в оппортунизме и половинчатости, в расплывчатости и гуманизме, и, часто ссылаясь на Бакунина и Моста, говорят, что современные европейские анархисты не применяют классовой тактики революционного анархизма, легализуясь и размываясь на частности, как то: антиклерикализм, синдикализм, неомальтузианство, антимиитаризм и пр.

«Чернознаменцы» всегда работали вместе с другими фракциями анархизма и лишь в последнее время выделились в самостоятельные группы. Причиной тому послужило разногласие по вопросу об участии в автономном профессиональном движении.

Работая во имя чисто анархических профессиональных союзов и, *притом, непременно тайных*, — они к другим формам рабочего движения, как тред-юнионизм и революционный синдикализм, относятся безусловно отрицательно.

В 1906 году в рядах «чернознаменцев» намечалось два типа работников: индивидуальные террористы «безмотивники» и «коммунары».

Первые готовились вести исключительно антибуржуазную борьбу путем индивидуальных покушений; вторые стремились дополнить ее частичным восстанием, во имя провозглашения в селах и городах Анархических Коммун.

«Коммунары» говорили приблизительно следующее: пусть эти коммуны возникнут в одном районе, пусть даже погибнут, блеснув, как яркий метеор, — сами попытки не пропадут бесследно. Глубоко запав в душу рабочего, они заставят его снова и снова подняться во имя торжества пролетарского идеала.

В России, однако, это течение имело очень мало последователей; они концентрировались, главным образом, в Новороссии и Зап. Крае, где работали вместе с другими фракциями, чистые группы их существовали только в Варшаве, Одессе и Белостоке.

Заканчивая этот беглый очерк, остается сказать несколько слов о других направлениях в анархизме, которые у нас существуют под именем «индивидуалистического» анархизма.

Этот последний ничем себя не проявил в революционной борьбе; он был представлен небольшими кружками литераторов и отдельных лиц, издававших переводы сочинений Штирнера, Туккера, Макэя, а также оригинальные брошюры, как «Анархический Индивидуализм» — Виконта, 2 сборника «Индивидуалист», «Новое направление в анархизме» Л. Черного, «Общественные идеалы современного человечества» А. Борового. Странники «индивидуалистического анархизма» были в Москве, Киеве. и С.-Петербурге.

Кроме того, в С.-Петербурге еще существовал кружок т. н. «мистических анархистов», которые издавали литературные сборники и свой журнал.

Наконец, последователи учения Л. Толстого, иногда называющие себя «христианскими анархистами», составляют тоже одно из течений в русском анархизме; они имеют обширную литературу и одно время издавали в Лондоне, под редакцией В. Черткова, журнал «Свободное слово».

В жизни «толстовцы» проявили себя постольку, поскольку опирались на различные рационалистические секты, существующие в русском крестьянстве, как духоборы, штундисты и др. Некоторые из них проявили себя индивидуальными отказами от военной службы; другие занимались, главным образом, культурнической деятельностью, основывая маленькие земельные коммуны.

Таковы различные оттенки русского анархизма.

В нашем докладе мы останавливались исключительно *на рабочем и революционном анархизме*; делая подсчет приверженцам, мы можем сказать, что они преобладали преимущественно на Юге России, Кавказе, Польше и Литве, где в последние годы ведется наиболее острая и решительная борьба.

